

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

ДЕМОНОЛОГИЯ
ПО ВОЛКОВУ
СНОХОДЦЫ

Москва

ЧИТАЙТЕ КНИГИ НАТАЛЬИ ТИМОШЕНКО:

Мертвая неделя
Игра с огнем
Хранительница болот
Нити жизни
Гадючий Яр

Цикл «Игры со смертью»

Кошки-мышки
Правда или желание
Дочки-матери
Жмурки
Казачи-разбойники

Цикл «Демонология по Волкову»

Собиратели душ
Падальщики
Сноходцы

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

ДЕМОНОЛОГИЯ
ПО ВОЛКОВУ
СНОХОДЦЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Екатерины Петровой

Тимошенко, Наталья Васильевна.
Т41 Демонология по Волкову. Сноходцы / Наталья Тимошенко. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Мистические романы Натальи Тимошенко).

ISBN 978-5-04-221765-4

Предательство способно сломать даже самого сильного человека, и Алиса это прочувствовала на себе. Но времени на слабость нет: демон, которому приносят человеческие жертвы, по-прежнему на свободе, и на его поиски нужно бросить все силы. Чем ближе развязка, тем отчетливее становится страшная истина: эта охота закончится кровью и не всем суждено вернуться. Но самое опасное даже не демон, а люди рядом. Никогда не знаешь, кому можно доверять, а кто вонзит нож в спину в самый последний момент.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221765-4

© Тимошенко Н., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

В подъезде было темно, пахлодохлыми мышами и кошачьей мочой. Так мерзко и так... привычно. Только закрыв за собой дверь, Алиса отметила, что не горит ни одна лампочка ни на одном этаже. Похоже, украли последнюю. Она знала каждый выступ, каждую выбоину на старых ступеньках, поэтому темнота не пугала. Впрочем, едва ли что-то вообще в этом мире могло ее теперь напугать.

Алиса только что похоронила лучшую подругу и больше всего на свете сейчас хотела быть на ее месте. Это она должна была умереть, а не Мирослава. Добрая, доверчивая Мирослава, маленький огонек в темном мире, не утративший света и теплоты. Было в этом что-то ужасно несправедливое: что именно Мирославу в красивом белом платье закрыли деревянной крышкой и засыпали мерзлой землей, а Алиса, которая все равно мертва внутри, возвращается в пустую квартиру.

Друзья звали ее в кафе, поднять стопку за упокой души их общей подруги, но Алиса не могла. Не могла находиться в обществе даже самых близких людей.

Она чувствовала физическую потребность остаться наконец одной, упасть камнем на то дно, куда ее бросил Леон, сам о том еще не зная.

Влад предлагал поехать с ним в Волчье логово, но Алиса никогда туда больше не вернется.

Она оставила в недоумении всех и ушла. Вернулась в пустую квартиру, заперла за собой дверь. Почувствовала, как кончились силы, поддерживавшие ее последние несколько часов. Прислонилась спиной к двери, медленно съехала вниз и свернулась калачиком прямо у входа, не снимая ни куртку, ни ботинки. Обхватила руками колени, уткнулась в них лицом и закрыла глаза.

Почему я не умею плакать? Может, тогда стало бы легче?

Алиса мечтала о том, чтобы у нее была хоть одна, хоть самая крохотная причина сомневаться в словах Софи. Думать, что та по какой-то причине оболгала Леона, вынудила Алису перестать ему верить. К сожалению, такой причины у Алисы не было.

Она ведь с самого начала понимала, что они не пара. Разве мог такой человек, как Леон — выросший в любви и достатке, вращающийся в высших кругах общества, — увлечься такой, как она? У Алисы не было ни воспитания, ни образования, ни манер, ни даже особого ума. Да, Леон не обычный человек, но это все равно не значило, что он мог по-настоящему влюбиться в безродную дворняжку вроде нее. Как она могла в это поверить?

Было ли ему противно целовать ее, заниматься с ней любовью? Вспоминает ли он с омерзением новогоднюю ночь, которую Алиса еще несколько часов

назад считала лучшей в своей жизни, или постарался забыть о ней тем же утром? Смеялся ли он над ее доверчивостью, когда рассказывал Антону о том, что все идет по задуманному?

Алиса вспомнила, как он обрадовался, увидев ее в новогоднюю ночь на пороге своего кабинета. Тогда она думала, что он тоже скучал. Теперь знала — то был момент триумфа. Она клюнула на приманку. Влюбилась, стала послушной. Достаточно послушной, чтобы отдать за него жизнь.

Она ведь действительно была готова на все. Наплевала на опасность, забрала у него тьму, когда все вокруг твердили, что это самоубийство. Если бы он прямо попросил умереть за него, она бы не раздумывала...

Чувства говорили Алисе, что человек не может так притворяться. Сколько раз Леон касался ее плеча, руки — легко, мимолетно, ненавязчиво? Сколько раз смотрел долгим внимательным взглядом? Разум же твердил, что ради выживания люди готовы на все. И душу демонам продать, и в постель лечь с той, что противна. Что такое для Леона немного приласкать Алису, когда на кону стоит перспектива быть разорванными Падальщиками?

Все эти годы она будто бежала марафон. Бежала изо всех сил, надеясь, что на финише ждет награда: мать взглянет на нее и поймет, что Алиса достойна любви. Скажет: «Ты хорошая девочка, я люблю тебя».

Алиса бежала, не оглядываясь и не замечая, что не только на финише ее никто не ждет. Зрители — и те давно разошлись. Никто не машет флажками,

не кричит ободряюще, не подает бутылку воды. Все давно забыли о марафоне, продолжают жить своей жизнью, и только Алиса все еще бежит. И надеется. Тщетно.

Она недостойна любви. Ее не любит и никогда не любила даже та, которая должна была любить безусловно, подчиняясь инстинктам. Ее не любит родная мать, так почему Алиса думала, что полюбит другой человек? Оказывается, ее нельзя любить, ею можно лишь пользоваться. Недостойна она большего, такие дела. Бывают люди, которым не дано петь или рисовать. Бывают те, кому не дано видеть или слышать. Алисе вот не дано быть любимой. И как бы она ни старалась, что бы ни делала, все будет зря. Ею можно лишь пользоваться.

Мать хочет ее денег, Леон — ее жизнь. Так не лучше ли ей будет дать им то, что они хотят? Если она отдаст Леону свою жизнь, он заплатит матери деньги, о которых та так мечтает. Все останутся в выигрыше. Кроме Алисы, конечно, но разве кого-то волнует, чего хочет Алиса? Даже ее саму уже не волнует.

Просто пусть все закончится.

Пусть они оба получают то, что хотят. Потому что у Алисы нет сил бежать этот долбаный, никому не нужный марафон, у которого даже нет финиша. Алиса хочет только одного: чтобы больше не было так больно.

Если бы у нее были силы, она прямо сейчас поехала бы в Логово, сказала бы Леону, что согласна на ритуал. Ему больше нет нужды притворяться, делать вид, что влюблен в нее. Она все знает, она на все согласна. Могут провести ритуал хоть сейчас, если

у него все готово. У него наверняка все готово. Но сил не было. Алиса продолжала лежать на полу, слушая звуки за дверью. Кто-то проходил мимо, где-то слышалась ругань. Хлопали двери квартир, звонили телефоны, разговаривали люди. Все занимались своими делами, не догадываясь, что в квартире номер девятнадцать больше нет никого живого.

Пришел вечер, затем ночь. Замолкли голоса, перестала играть далекая музыка. Наступила полная тишина, в которой Алиса не слышала даже своего дыхания. Может быть, она на самом деле умерла?

Алиса медленно поднялась на выпрямленных руках, села, убеждаясь, что все еще жива. Голова казалась чумной, будто она выпила лишнего. Может, и стоило. Да что уж теперь. Держась за стену, Алиса встала. Пошатнулась, поскольку перед глазами все поплыло, но на ногах устояла. Часы показывали начало четвертого утра. Если выйдет сейчас, как раз дойдет до вокзала к первой электричке. И тогда через несколько часов все будет кончено.

За ночь на улице потеплело, и теперь с неба лил уже такой привычный дождь. Асфальт, дома, деревья — все было мокрым и черным. Даже остатки снега, притаившиеся в углах, тоже почернели. Отличный день, чтобы закончить наконец ее историю.

На электричку Алиса успела. Людей было мало, ей удалось занять место в самом углу. Подтянув к себе колени и обхватив их руками, Алиса разглядывала попутчиков, без сожаления думая о том, что больше никогда их не увидит. Казалось даже забавным, что никто не замечает, как рядом с ними едет труп.

На станции она, как обычно, вышла одна. Без происшествий добралась до Волчьего логова, подошла к дому. Тот выглядел еще темнее и мрачнее обычного. Раньше Алиса чувствовала себя в нем в безопасности, думала, что там тот, кому она нужна. Сейчас же все изменилось.

Едва она открыла калитку, в окне над гаражом мелькнула тень, а затем во двор торопливо вышел охранник. Алиса остановилась.

— Привет! — еще издалека, но почему-то шепотом поздоровался охранник по имени Миша. Почти подбежал к ней и спросил: — Что происходит вообще?

Алиса непонимающе посмотрела на него:

— В каком смысле?

— Так ты тоже не в курсе? — разочарованно протянул Миша. — Я смену принимал пару часов назад, мне Костик шепнул, что хозяин вчера всех выгнал. Вроде как даже уволил. Мне самому расчет пришел на карту недавно. В доме никого не осталось. Нас тоже выгнал, но Петрович велел по одному дежурить, хозяину на глаза не попадаться, чтобы он не знал, что мы тут. Журналюги периодически приезжают, надо отгонять, как собак надоедливых. Я вообще не понимаю, что и как. Сижу, как мышь под метлой, даже за едой не ходил, желудок сводит.

Алиса равнодушно пожала плечами. Ей было все равно, что и почему сделал Леон. Не осталось у нее сил и желания удивляться и разгадывать его действия.

— Он дома? — лишь спросила она.

Миша кивнул:

— Ага. Я хотел на кухню сходить, взять чего пожевать, слышал, как он по коридору шел. Не рискнул, назад вернулся. Слушай, будь другом, принеси чего, а? Сил нет пустой чай пить.

Алиса ничего не ответила, молча направилась к дому.

— Алис! — позвал охранник, когда она уже почти открыла дверь. — Ты поосторожнее там, ладно? Вдруг он совсем... ну... с катушек съехал. Ты понимаешь, о чем я.

Алиса по-прежнему молча открыла дверь, вошла в дом. Пустой и тихий, он походил на склеп. Алиса не стала звать Леона, направилась к нему в кабинет, но хозяина дома там не оказалось. Как не было и в спальне, куда она вошла без стука, и в других помещениях его части Логова.

Медицинский отсек оказался заперт. Алиса вводила код на панели, но лампочка над тяжелой дверью мигала красным и отказывалась меняться на зеленую.

Может, охранник ошибся? Леона нет дома. Или ушел куда-то недавно. Решив заглянуть еще в библиотеку и если его там нет, то ждать, Алиса пересекла большой холл, открыла дверь и обомлела.

Библиотека была разгромлена. Дверцы шкафов выломаны, стекла в них разбиты, книги не просто разорваны, а буквально растерзаны. Весь пол усыпан их листами. Некоторые выглядели целыми, некоторые были смяты. Те, что лежали у камина, и вовсе обгорели. И в давно погасшем камине Алиса тоже заметила несколько полусожженных экземпляров. Посреди библиотеки лежала какая-то странная длинная

кочерга с деревянной ручкой, а на паркете отпечатался обугленный след от нее. Должно быть, кочергу эту сначала сунули в камин, а потом бросили на пол.

Леон хотел сжечь дом?

Хотел бы — сжег бы.

Алиса вернулась в холл, заглянула в гостиную и наконец поняла, где Леон. Сквозь большое, но затемненное окно она не могла хорошо разглядеть его, но увидела очертания фигуры на террасе.

Терраса, как и дом, была погружена в полумрак. После дня рождения Леона ограждения так и не убрали, поэтому она была защищена от снега и дождя, но без обогрева здесь было почти так же холодно, как и на улице. А обогрев Леон не включал. Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, в неизменном черном пальто, и, казалось, не чувствовал холода. В руке держал квадратный стакан с коньяком, бутылка с остатками жидкости — похоже, он все-таки пил — стояла на полу рядом с креслом.

Леон не мог не услышать, как открылась дверь, но даже не повернул головы. Алиса остановилась у входа, тоже ничего не говоря. Ей вдруг показалось, что здесь, в кресле, сидит совершенно чужой человек. Четкий профиль со строгими чертами лица, темные волосы, включенные, как и прежде, теперь лежали в каком-то непонятном, но правильном порядке. Длинные пальцы, сжимающие стакан, высоко поднятый подбородок, взгляд, устремленный вперед, — все это Алиса узнавала и не узнавала одновременно.

— Зачем ты пришла? — спокойно и холодно спросил Леон, хотя Алиса была уверена, что не попала в поле его зрения. Он не мог видеть, кто именно при-

шел. Догадался по каким-то признакам? Или знал, что она придет?

— Софи посвятила меня в детали того, какая роль мне была уготована в этом доме, — стараясь говорить так же ровно, ответила Алиса.

Наверняка он об этом уже знал. Не потому ли выгнал всех? Не потому ли пьет в одиночестве на террасе, зная, что терять контроль ему нельзя? Потому что его план провалился. И через несколько месяцев Падальщики придут за ним. На его месте Алиса тоже пила бы.

— Так зачем ты пришла? — повторил вопрос Леон.

— Сказать, что я согласна.

Он по-прежнему не отреагировал. Не повернулся к ней, даже бровью не повел.

— Ты не в себе.

— А ты в себе?! — Алиса сорвалась на крик, но тут же сжала пальцы в кулаки, впилась ногтями в ладонь, возвращая себе хладнокровие. — Ты был в себе, когда придумывал этот план? Ты был в себе, когда решил убить меня? В себе, когда целовал меня, когда... спал со мной? — Она замолчала, понимая, что теряет контроль. На место тупому безразличию приходила злость.

Леон наконец шевельнулся. Поднял руку с зажатым в ней бокалом, посмотрел на коричневую жидкость, будто проверяя, сколько еще осталось в стакане. Чуть повернул голову, посмотрел на Алису. Взгляд был равнодушным, холодным, как и тон.

— Да, — подтвердил он. — Выжить любой ценой — естественное желание любого человека. Зна-

ешь, почему нельзя подплывать к тонущему спереди? Он утопит тебя. Даже если вы знакомы, даже если он любит тебя. Подплывешь спереди — он утопит тебя, подчиняясь одним только инстинктам, одному лишь желанию выжить. Я хотел жить. А вот с тобой что-то не так. Самоубийство, самопожертвование не свойственно людям. Даже таким, как ты. И я хочу понять, зачем ты это делаешь.

Алиса догадалась, что он имеет в виду ее фиолетовую душу. Но ей было плевать на то, что он там думает.

— Какая тебе разница зачем? — едва сдерживаясь, прошипела она. — Я тебе не подопытная крыса, чтобы ты копался в моей голове. Хватит уже, повеселился. Ты хотел мою жизнь? Забирай, я согласна. У тебя все готово к ритуалу? Когда мы можем его провести? Сегодня? Сейчас? Забирай что хотел, только заплати те деньги, что положены мне по контракту в случае смерти. И все будет по-честному.

Леон снова отвернулся от нее, отхлебнул из стакана, поставил его на колено, придерживая рукой.

— Вот оно что, — протянул он. — Твоей матери снова нужны твои деньги?

Алиса с трудом сглотнула. Конечно же, он все о ней знал. Даже то, о чем она никогда не рассказывала. Навел справки, хорошо подготовился.

— А тебе нужна моя жизнь. Вы оба с ней одинаковы. Вы оба одинаково мне противны. Но я больше не могу... — Она запнулась, потратила несколько секунд на то, чтобы успокоиться. — Пользуйся, пока я не передумала. Потом будет поздно. Другую такую дуру можешь не успеть найти.